

СКОТТ ЛИНЧ

Хитрости
ЛОККА
ЛАМОРЫ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л 59

Scott Lynch
THE LIES OF LOCKE LAMORA
Copyright © 2006 by Scott Lynch
All rights reserved
First published in 2006 by Gollancz, London

Перевод с английского Марии Куренной
Серийное оформление Виктории Манацковой
Оформление обложки Ильи Кучмы
Карта выполнена Юлией Каташинской

ISBN 978-5-389-24659-1

© М. В. Куренная, перевод, 2016
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

*Милой Джени, которая все время стояла за моим плечом,
благословляя рождение этого маленького мира,
с вечной любовью посвящается*

Пролог

МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ СЛИШКОМ МНОГО КРАЛ

1

В середине долгого сырого лета семьдесят седьмого года Сендовани к Безглазому священнику храма Переландро неожиданно-негаданно явился каморрский Воровской наставник в отчаянной надежде сбегать с рук несносного мальчишку Ламору.

— Ох и выгодную же сделку я тебе предложу! — с порога начал гость, взяв не самый верный тон.

— Поди, такую же выгодную, как с Кало и Галдо? — проворчал Безглазый священник. — Я по сей день бьюсь, чтобы отучить этих вечно хихикающих болванов от дурных привычек, перенятых у тебя, а взамен привить дурные привычки, удобные мне.

— Ну знаешь, Цеппи, — пожал плечами Воровской наставник, — я ведь сразу предупредил, что они ни дать ни взять мартышки пакостливые, но тогда тебя это нимало не смутило...

— Или, может, такую же выгодную, как с Сабетой? — Священник возвысил голос, густой и звучный, и слова замерли на языке у Воровского наставника. — Сам прекрасно помнишь, какую цену за нее заломил. Ободрал меня как липку, забрал все подчистую, кроме разве костей моей покойной матушки. Надо было заплатить тебе одними медяками и посмотреть, как ты надрываешь пуп.

— Но Сабета, согласишься, не рядовой товар. И мальчишка этот, он тоже особенный. Ровно такой, какого ты просил подыскать после того, как купил Кало с Галдо. В нем есть решительно все, что тебе любо-дорого в Сабете. Каморрец, но не чистых кровей, а еще теринских и вадранских в равных долях. И он просто прирожденный вор — это так же верно, как то, что в море полно рыбьей мочи. Вдобавок я согласен уступить малого... ну... со скидкой.

Безглазый священник с минуту поразмыслил, а затем сказал:

— Ты уж прости, но когда иссохшая сморщенная репка, которую ты называешь сердцем, вдруг ни с того ни с сего возгорается желанием меня облагодетельствовать, мне хочется взять в руки оружие и встать спиной к стене.

Воровской наставник постарался придать своему лицу искреннее выражение (без особого, впрочем, успеха) и чересчур небрежно пожал плечами:

— Ну да, положим, с мальчишкой сложности. Но это только пока он находится под моей опекой. Уверен, если ты возьмешь его на свое попечение, все сложности исчезнут сами собой.

— О, так твой малец обладает волшебным даром. Что ж ты сразу не сказал! — Священник поскреб лоб под белой шелковой повязкой, закрывавшей глаза. — Превосходно. Я посажу его в чертову землю и выращу лозу до заоблачной зачарованной страны.

— Ага! Вот и знакомые стрелы сарказма полетели! — Воровской наставник отвесил шутливый поклон, несколько скованный по причине старческой подагры. — Обычно они свидетельствуют о твоей готовности поторговаться. Почему бы просто не признать, что предложение тебя заинтересовало?

Теперь пожал плечами Безглазый священник.

— Ладно, допустим, Кало, Галдо и Сабете не помешает обзавестись новым товарищем по играм или хотя бы новой грушей для битья. Допустим, я согласен отдать за твоего кота в мешке три медяка да горшок мочи. Но ты должен убедить меня, что я не прогадаю, отдав в придачу к указанной сумме еще и целый горшок мочи. Так в чем беда с твоим мальчишкой, а?

— Беда с ним в том, — медленно проговорил Воровской наставник, — что, если ты его не купишь, мне придется перерезать паршивцу глотку, а тело бросить в залив. Причем нынче же ночью.

2

Той памятной ночью, когда Воровской наставник взял под свое крыло маленького Ламору, на старом кладбище на Сумеречном холме выстроилось вереницей множество детей. Тихо и смиренно стояли они в ожидании, когда новые братья и сестры проследуют в усыпальницы.

Все до единого подопечные Воровского наставника держали свечи, холодный голубой свет которых пробивался сквозь сереб-

ристую пелену речного тумана подобно тому, как пробивается сквозь закопченное окно тусклый свет уличных фонарей. Цепочка призрачных огоньков, повторяя извивы кладбищенских дорожек, спускалась с вершины холма к широкому стеклянному мосту через Дымный канал, едва видный под покровом душного теплого тумана, что летними ночами сочится из отсыревших костей Каморра.

— Шагайте живее, милые мои, золотые мои, новообетенные мои чада! — шептал Наставник, подталкивая в спину последнего из тридцати детей-сирот, взошедших на Дымный мост. — Пусть огни впереди не пугают вас: там ждут ваши новые друзья, чтобы показать вам путь на вершину моего холма. Прибавьте шагу, мои сокровища. Ночь убывает, а разговор нам предстоит долгий.

В редкие минуты досужего раздумья Воровской наставник воображал себя художником. Если точнее — скульптором, для которого малолетние сироты служат глиной, а старое кладбище на Сумеречном холме — мастерской.

Огромный девяностотысячный город непрерывно и равномерно производил человеческие отбросы, количество которых денно и ночью пополнялось, кроме прочего, за счет постоянного притока осиротелых, потерянных и брошенных детей. Многих из них отлавливали работаровцы, чтобы переправить в Тал-Веррар или на Джеремские острова. По закону рабство в Каморре было запрещено, разумеется, но на сами акты порабощения и горожане, и власти смотрели сквозь пальцы, если за жертву было некому заступиться.

В общем, одни беспризорники попадали в рабство, другие погибали по собственной глупости. Смерть от голода и сопутствующих болезней тоже была обычным делом среди тех, у кого не хватало смелости или сноровки, чтобы прокормиться на городских улицах воровством или иным незаконным способом. Смелые же, но недостаточно сноровистые часто заканчивали жизнь в петле на Черном мосту, напротив Дворца Терпения. Магистраты герцога вешали юных воришек на той же веревке, что и преступников постарше, только детям еще привязывали к ногам груз, чтобы уж наверняка и быстро.

А сирот, чудом избежавших перечисленных злосчастных жребиев, собирали по всему городу подопечные Воровского наставника и приводили в свое братство, по одному, по двое или испуганными стайками. Там новички очень скоро узнавали, какая жизнь ожидает их под старым кладбищем, в самом сердце владений Воровского наставника, где без малого полторы сотни сырых детей преклоняли колена перед одиноким согбенным стариком.

— Давайте, шевелите ножками, мои родненькие, мои новые сыночки и доченьки! Следуйте по цепочке огней, поднимайтесь на вершину холма. Мы уже почти дома, где вас накормят, намоют и спать уложат. Где вы найдете спасение от дождя, тумана и душной жары.

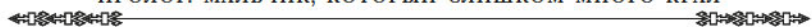
Лучшее время для пополнения рядов братства наступало сразу после моровых поветрий. Эти тридцать сирот из Горелища ускользнули из губительных объятий так называемого черного шепота — повальной хвори, которую Воровской наставник ценил выше всех прочих. Болезнь пришла в квартал невесть откуда, и только своевременно принятые карантинные меры (любого, кто пытался переправиться через канал или уплыть на лодке, настигала смерть от ярдовой стрелы) спасли остальной город от всех сопряженных с эпидемией неприятностей, кроме разве что тревоги и параноидального страха. Черный шепот означал мучительную смерть для всякого старше одиннадцати-двенадцати лет (насколько могли судить лекари, хотя болезнь собирала жатву без особой оглядки на правила). Дети же младше одиннадцати обычно отделялись всего лишь отеком глаз и лихорадочным румянцем, которые проходили через пару-другую дней.

На пятый день карантина пронзительные крики стихли и попытки переправиться через канал прекратились. Поэтому квартал избежал прискорбной участи, не раз постигавшей его в прошлом, в чумные годы, и послужившей причиной для нынешнего его названия. На одиннадцатый день, когда карантин сняли и герцогские Упыри вошли в Горелище, чтобы оценить последствия эпидемии, из четырех сотен детей, насчитывавшихся там ранее, в живых остался лишь каждый восьмой. В борьбе за выживание они уже сбились в шайки и освоили азы жестокости, необходимые в жизни без взрослых.

Воровской наставник дождался, когда всех детей соберут и выведут из квартала, объятого зловещей тишиной.

Он щедро заплатил серебром за тридцать лучших из них и еще больше заплатил за молчание Упырям и стражникам, сопровождавшим детей. А потом повел своих новых подопечных — отоцалых, вонючих, растерянных — в темный парной туман каморрской ночи, к старому кладбищу на Сумеречном холме.

Ламора был самым младшим и самым мелким из всех: мальчонка лет пяти-шести, живой скелетик, обтянутый грязной кожей. Наставник и брать-то его не собирався — малыш просто увязал-

ся за ними, словно так и надо. Старик, конечно, сразу заметил приبلудыша, но в своей жизни он неоднократно убеждался, что любой незадумленный сиротка, даже самый мозглявый, — это подарок судьбы, от которого грех отказываться.

Дело было летом семьдесят седьмого года Гандоло — Отца удачи, бога торговли и звонкой монеты. Воровской наставник шел сквозь туманную ночь, ласково подгоняя детей, бредущих неровной вереницей.

Через каких-нибудь два года он будет чуть ли не на коленях умолять отца Цеппи, Безглазого священника, забрать у него маленького Ламору. И точить нож на случай, если священник откажется.

3

Безглазый священник поскреб щетинистый кадык:

— Не шутишь?

— Нисколько. — Воровской наставник залез во внутренний карман камзола, который пару лет назад можно было назвать просто потрепанным, и извлек кожаный кошелек, затянутый тонким кожаным шнурком. Кошелек был ржаво-красного цвета запекшейся крови. — Уже сходил к самому и получил разрешение. Перережу мальчишке глотку от уха до уха и скормлю рыбам.

— О боги... Экая душещипательная история. — Священник, с поразительными для слепца меткостью и проворством, ткнул Воровского наставника точно в грудь. — Нет уж, найди другого дурака, который согласится снять бремя с твоей совести и взвалить на себя.

— Да к черту совесть, Цеппи! Я о корысти толкую, твоей и моей. Оставить мальчишку у себя я не могу, вот и предлагаю тебе редкую возможность. Выгодную сделку.

— Если мальчишка шибко строптивый, почему бы не вбить в него немного ума-разума и не подождать, когда он созреет до надлежащего продажного возраста?

— Исключено, Цеппи. У меня руки связаны. Я не могу просто взять и отколошматить гаденыша: нельзя допустить, чтобы остальные паршивцы узнали, что он... гм... отмочил. Если у кого-нибудь из них возникнет хоть малейшее желание сотворить то же самое... о боги!.. я навсегда утрачу влияние на них. Мне остается либо

убить мальчишку сегодня же, либо продать сейчас же. Шиш с маслом или ничтожная прибыль. Угадай, что я выбираю?

— Мальчишка выкинул что-то такое, о чем ты даже обмолвиться не можешь при своих подопечных? — Цеппи потер лоб над повязкой и вздохнул. — Черт... Мне даже стало любопытно.

4

Старинная каморрская пословица гласит: ничто на свете не постоянно, кроме непостоянства человеческого. Всё и вся, кроме него, рано или поздно выходит из моды — даже такая полезная и нужная вещь, как холм, нашпигованный мертвецами.

Сумеречный холм был первым в истории Каморра кладбищем для знати, где бранные останки горожан, сытно питавшихся при жизни, покоились вне досягаемости соленых вод Железного моря. Однако со временем соотношение сил между соперничающими семьями камнерезов, гробовщиков и профессиональных гробосцев изменилось, и постепенно на Сумеречном холме стали хоронить все меньше и меньше знатных господ, поскольку на расположенном неподалеку Шепотном холме предлагали больше места для более внушительных и помпезных памятников, пусть и за большее комиссионное вознаграждение. Войны, моровые поветрия и политические козни делали свое дело, и с течением десятилетий количество семей, ухаживавших за могилами на Сумеречном холме, неуклонно сокращалось. В конце концов единственными посетителями кладбища остались служители Азы Гийи, ночевавшие в гробницах в период своего ученичества, да бездомные сироты, поселившиеся в заброшенных, темных и пыльных склепах.

Воровской наставник (хотя тогда он, разумеется, таковым еще не был) волею случая оказался в одном из таких склепов в самые черные дни своей жизни, когда он представлял собой жалкое недоразумение — ибо как еще назовешь вора-карманника с девятью перебитыми пальцами?

Сперва он держался с сиротами полуугрожающе-полупросительно. Какая-то остаточная потребность во взрослом вожаке помешала детям убить пришлеца во сне. Он же, со своей стороны, неохотно начал объяснять им секреты своего ремесла.

По мере того как пальцы медленно заживали (правда, семь из них срослись плохо и навсегда остались кривыми, как надломлен-

ные сучки), он передавал все больше и больше своих порочных знаний маленьким оборванцам, прятавшимся вместе с ним от дождя и городской стражи. Число учеников постепенно увеличивалось, как и совокупный доход сообщества, и дети все шире расселялись по сырым каменным склепам старого кладбища.

В скором времени кривопалый карманник стал знаменитым Воровским наставником, а Сумеречный холм — царством, где он безраздельно властвовал.

Маленький Ламора со своими товарищами из Горелища впервые вступил в это царство спустя два десятка лет после его основания. Кладбище представляло собой обширное скопление неглубоких старых склепов, соединенных между собой сетью подземных тоннелей и галерей, чьи плотно утрамбованные стены были укреплены частыми опорами, похожими на ребра давно истлевших драконов. Исконных обитателей кладбища уже давно повытаскивали из гробниц и побросали в залив под покровом ночи, и ныне Сумеречный холм превратился в гигантский муравейник, населенный сиротами-воришками.

Вновь прибывшие дети вошли в темные недра самого верхнего мавзолея и двинулись по тоннелю с ребристыми стенами, освещенному серебряными огнями прохладных алхимических шаров. Маслянистые щупальца тумана обвивались вокруг щиколоток; из всех углов и закоулков выглядывали старожилы Сумеречного холма, с холодным любопытством рассматривая новичков. В спертom воздухе висел запах сырой земли и давно не мытых тел, какой смрадный дух маленькие оборванцы из Горелища ощутили своим присутствием.

— Проходите! Проходите! — восклицал Наставник, потирая руки. — Отныне мой дом — ваш дом! Добро пожаловать! Всех нас здесь объединяет одно: все мы круглые сироты. Печально, что и говорить, но теперь у вас будет братьев и сестер сколько пожелаете и сухая земля над головой. Дом... семья.

Дети-старожилы вереницей устремились по тоннелю вслед за Наставником, на ходу задувая свои призрачные голубые свечи, и вскоре путь освещало лишь серебристое сияние настенных алхимических шаров.

В самом сердце владений Воровского наставника находилось огромное теплое помещение с утоптаным земляным полом высотой в полтора человеческих роста и размером тридцать на тридцать ярдов. У дальней стены стояло единственное кресло из по-

лированного черного дерева — массивное такое, с высокой спинкой, — и старик с довольным вздохом в него опустился.

Десятки ветхих покрывал, расстеленных на полу, были уставлены едой: котелками с костлявыми цыплятами, маринованными в дешевом миндальном вине, мисками с мягкими хвостами морских лисиц, завернутыми в бекон и щедро сдобренными уксусом, тарелками с соленым горохом и чечевицей, подносами с грубым хлебом, политым колбасным жиром, и грудями перезрелых помидоров и груш. Пища непритязательная на самом деле, но представленная в таком количестве и разнообразии, какое сиротам из бедного квартала даже не снилось. Они жадно накинулись на еду, не дожидаясь приглашения, и Воровской наставник снисходительно улыбнулся.

— Я не настолько глуп, чтобы вставать между вами и вкусной едой, дорогие мои. Ешьте досыта, ешьте сколько влезет. Наверстывайте упущенное. Поговорим позже.

Пока оголодавшие сироты набивали живот, в подземном логове собрались все обитатели Сумеречного холма — они обступили новеньких тесной толпой и молча наблюдали. Воздух в переполненном помещении с каждой минутой становился все более спертым. Пиршество продолжалось, пока на «столе» не осталось ни крошки. Наконец дети, выжившие после нашествия черного шепота, дочиستا облизали перепачканные жиром пальцы и только тогда обратили настороженные взгляды на Воровского наставника и его подопечных. Старик, словно по сигналу, вскинул три скрюченных пальца.

— Теперь о деле! — воскликнул он. — На повестке дня три пункта. Во-первых, вы здесь потому, что я вас выкупил. Причем заплатил сверх положенного, чтобы вас отдали именно мне, а не кому-нибудь другому. Поверьте, всех до единого ваших товарищей, которых не взял я, уже отдали работорговцам. Куда еще девать сирот? Держать вас негде, заботиться о вас некому. Стражники продают таких, как вы, по цене кувшина вина, голубчики мои. Сержанты не считают нужным упоминать о вас в своих рапортах, а капитаны не считают нужным обращать на это внимание. Сейчас, — продолжал Наставник, — когда с вашего квартала снят карантин, все каморрские работорговцы — и все желающие таковыми заделаться — уже рыщут по городу в поисках добычи. Вы вольны покинуть наш холм когда пожелаете, хоть сейчас, — только имейте в виду, что в самом скором времени вы будете сосать грязные

елдыки или ворочать веслами на галерах... Что подводит меня ко второму пункту. Все мои друзья, которых вы здесь видите, — он широким жестом обвел детей, теснившихся вдоль стен, — могут уходить с холма когда захочется и разгуливать там, где вздумается, поскольку они находятся под моей защитой. Я знаю, — продолжал он с видом внушительным и серьезным, — что сам по себе я не произвожу грозного впечатления, однако пусть это не вводит вас в заблуждение. У меня есть могущественные друзья, способные обеспечить безопасность моим подопечным. Если кто-нибудь — например, работороговец — осмелится поднять руку на одного из моих питомцев, наказание последует незамедлительно и будет достаточно жестоким...

Когда никто из новичков не выказал должного воодушевления, Наставник значительно кашлянул и пояснил:

— Этого гнусного скота просто убьют. Ясно?

Яснее было некуда.

— Что прямо подводит нас к третьему пункту — а именно ко всем вам, мои милые. Наша маленькая семья всегда нуждается в новых братьях и сестрах, и вы можете считать, что вам предлагают — можно даже сказать, вас просят — осчастливить нас своей искренней и крепкой дружбой. Изберите Сумеречный холм своим домом, меня — своим хозяином, а этих славных мальчиков и девочек — своими братьями и сестрами. Вы будете жить в тепле и сытости, под надежной защитой. Либо вы можете уйти сейчас же и закончить в одном из джеремских публичных домов, там свежим ягодкам всегда рады. Ну что, есть такие желающие?

Никто из новичков не издал ни звука.

— Я знал, что могу положиться на вас, бесценные мои сокровища! — Воровской наставник распростер руки и широко улыбнулся, показав полумесяц зубов цвета болотной воды. — Но разумеется, за все хорошее надо платить. Взаимные услуги, равный обмен. Еда не произрастает у меня из задницы. Ночные горшки не опоражниваются сами собой. Улавливаете, о чем я?

Десять-двенадцать из вновь прибывших детей неуверенно кивнули.

— Правила очень простые, со временем вы все их усвоите. Пока же запомните главное: кто ест, тот работает, а кто работает, тот ест. Что подводит нас к четвертому... ох, батюшки! Уважьте забывчивого старика, милые детки: вообразите, будто он поднял не три, а четыре пальца... Итак, вот четвертый важный пункт повестки

дня. У каждого из нас есть работа здесь, на холме, но у каждого из нас есть работа и в другом месте. Работа деликатная и необычная... интересная и увлекательная. Делается она в городе, иногда днем, иногда ночью. И требует смелости, ловкости и... гм... осторожности. Мы будем очень рады, если вы станете помогать нам в этих... гм... особенных делах.

Воровской наставник ткнул кривым пальцем в мальчишку, доставшегося ему бесплатно, в маленького приبلудыша, который пристально смотрел на него опухшими немигающими глазами, приоткрыв измазанный помидорным соком рот.

— Вот ты, малыш, ты, дополнительный привесок к тридцати избранным... Что скажешь? Будет ли от тебя польза? Готов ли ты помогать своим братьям и сестрам в их интересной работе?

Мальчонка на секунду задумался, потом пропищал тоненьким голоском:

— Вы хотите, чтобы мы крали разные вещи.

Старик уставился на него и долго молчал. Несколько сирот-старожилов прыснули в ладошку.

— Ну да, — наконец промолвил Воровской наставник, медленно кивнув. — Можно и так сказать — хотя, надо заметить, ты слишком прямолинейно судишь об известных проявлениях личной инициативы, говоря о которых мы предпочитаем употреблять более изысканные и неопределенные выражения. Не то чтобы я рассчитывал, что ты поймешь, о чем речь... Как тебя зовут, малыш?

— Ламора.

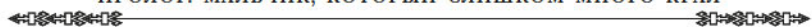
— Верно, твои родители были скрягами, раз дали тебе одну лишь фамилию. Как еще они тебя звали?

С минуту мальчонка напряженно обдумывал вопрос.

— Меня звать Локк, — наконец сказал он. — В честь отца.

— Славное имя. Легко с языка слетает. А ну-ка, Локк-в-честь отца Ламора, подойди ко мне на пару слов. Все остальные — ступайте прочь. Ваши братья и сестры покажут, где вам лечь спать. А сперва покажут, куда отнести посуду, куда сложить покрывала и все такое прочее. Первая ваша работа по хозяйству, так сказать. Сегодня вы просто уберете все здесь за собой, но в дальнейшем у каждого из вас появятся иные обязанности, всю важность которых вы поймете ко времени, когда узнаете, как меня называют за пределами нашего холма.

Локк подошел к Воровскому наставнику, восседавшему на деревянном троне. Новички поднялись с пола и беспорядочно топ-

тались взад-вперед, пока старшие из сирот Сумеречного холма не начали их строить, отдавая нехитрые распоряжения. Через считанные минуты маленький Локк и Воровской наставник остались наедине.

— Видишь ли, дружок мой, — заговорил старик, — всех новых своих чад, прибывающих на Сумеречный холм, мне приходится отучать от некоторых предрассудков. Ты знаешь, что такое предрассудок?

Ламора помотал головой. Его круглое личико облепляли соляные тускло-каштановые волосы; разводы помидорного сока вокруг рта подсохли и стали походить на грязные потеки. Старик подался вперед и осторожно вытер ребенку губы и щеки рукавом своего потрепанного синего камзола. Мальчик не отшатнулся.

— Это значит, что всем детям сызмалу внушали, что красть нехорошо, а потому в разговорах с ними мне приходится прибегать к разным недомолвкам и околичностям, покуда они не свыкнутся с мыслью о допустимости воровства. Ясно? Однако ты, похоже, не скован подобными предрассудками, поэтому мы с тобой можем говорить прямо. Ты уже крал раньше, верно?

Мальш кивнул.

— И до чумы тоже?

Снова кивок.

— Я так и подумал. А скажи-ка, голубчик... ты ведь лишился родителей еще до нашествия черного шепота, да?

Мальчик опустил голову и опять кивнул, едва заметно.

— То есть ты уже научился... гм... сам о себе заботиться. Ну, тебе нечего стыдиться. Возможно даже, благодаря своему опыту ты сумеешь снискать известное уважение в нашем братстве — вот только надо бы испытать тебя на деле...

Вместо ответа Ламора достал что-то из-под драной рубашонки и протянул Воровскому наставнику. На раскрытую ладонь старика легли два маленьких дешевых кошелька — замызганные мешочки из жесткой кожи, затянутые потертыми шнурками.

— А это у тебя еще откуда?

— Стражники, — прошептал Локк. — Они брали нас на руки и несли.

Наставник отпрянул, будто ужаленный гадюкой, и недоверчиво уставился на кошельки:

— Ты стянул кошельки у городских стражников? У желтокурточников?

Мальш кивнул, на сей раз с видимым воодушевлением:
— Ага, они брали нас на руки и несли.
— Боги мои... — выдохнул Воровской наставник. — О боги...
Да ты нас всех без ножа режешь, Локк-в честь-отца Ламора.
Просто режешь без ножа.

5

— Он нарушил Тайный уговор в первую же ночь, как вступил в братство, нахальный маленький паршивец! — Воровской наставник удобно сидел в саду на крыше храма, держа в руках просмоленную кожаную кружку с вином; вино было дрянное — страшно кислое, перебродившее почти в уксус, — но оно служило обнадеживающим признаком, что сделка еще может состояться. — Такого никогда не случалось — ни до, ни после.

— Кто-то научил мальчишку обчищать карманы, но не предупредил, что желтокурточники неприкосновенны. — Отец Цеппи поджал губы. — Любопытно, очень любопытно. Наш дорогой каппа Барсави был бы рад свести знакомство с твоим подопечным.

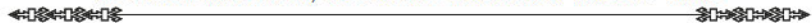
— Я так и не выяснил, кто натаскал мальчика. Он заявил, что сам всему научился, но это чушь собачья. Пятилетние дети играют с дохлыми рыбешками да конскими говешками, Цеппи. Они не изобретают тонких приемов карманного воровства по своей прихоти.

— А как ты поступил с кошельками?

— Да помчался обратно на сторожевую заставу Горелища и лизал там башмаки и задницы, пока язык не почернел. Объяснил капитану, что один из новичков просто не знал о заведенных в Каморре порядках, и вернул украденное с изрядной доплатой, моля о великодушном прощении и милостивом снисхождении.

— И они приняли извинения?

— Деньги всегда веселят душу, ты же знаешь. Я набил оба кошелька серебром до отказа. Вдобавок дал каждому из тамошних стражников на выпивку, чтоб на всю неделю хватило, и мы условились, что они выпьют пару-другую стаканов за здоровье каппы Барсави, которого совсем не обязательно... гм... беспокоить такими мелочами, как тот факт, что преданный ему Воровской наставник сел в лужу, позволив пятилетнему карапузу нарушить чертов уговор.

— Итак, — промолвил Безглазый священник, — то были первые часы твоего знакомства с моим таинственным мальчишкой — неожиданным подарком судьбы, так сказать.

— Я премного рад, что ты уже называешь маленького гаденыша своим, Цеппи, поскольку у меня на него ну никакого терпения не хватает. Даже и не знаю, как сказать. Одним моим детям нравится воровать, другие вообще не задумываются, хорошо это или плохо, а есть и такие, которые воруют противно своей воле, ибо понимают, что у них просто нет другого выбора. Но на моей памяти еще никто — никто, повторяю, — не был *настолько* охоч до воровства. Если Ламора будет валяться с располосованным горлом и лекарь попытается зашить рану, этот маленький поганец украдет у него иголку с ниткой и сдохнет, радостно хихикая. Он... слишком много крадет.

— Слишком много крадет, — задумчиво повторил Безглазый священник. — Уж чего-чего, а такой жалобы я никак не ожидал услышать от человека, который живет обучением детей воровству.

— Можешь смеяться, — вздохнул Воровской наставник. — Но в этом-то вся соль.

6

Текли месяцы. Миновали парфис, фесталь и аурим, и на смену туманным летним грозам пришли проливные зимние дожди. За семьдесят седьмым годом Гандоло наступил семьдесят седьмой год Морганте — Отца города, бога Петли и Лопаты.

Число сирот из Горелища заметно сократилось: восемь бедолаг, не обнаруживших способностей к деликатной и интересной работе, предложенной Воровским наставником, закончили свои дни в петле на Черном мосту перед Дворцом Терпения. Но жизнь продолжалась, и все остальные были слишком поглощены своей собственной деликатной и интересной работой, чтобы особо переживать по поводу товарищей.

Братство Сумеречного холма, как скоро узнал Локк, жестко делилось на два клана: уличники и домушники. Последние, меньшие числом и более искусные в воровском деле, промышляли только после заката: забирались на крыши, спускались по дымоходам, отмыкали замки, проникали за решетки и крали все подряд — от монет и драгоценностей до шматов свиного сала, оставленных без присмотра в кладовых.

Линч С.

Л 59 Хитрости Локка Ламоры : роман / Скотт Линч ; пер. с англ. М. Куренной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 576 с. — (Звезды новой фэнтези).

ISBN 978-5-389-24659-1

«Свежо, оригинально, крайне занимательно — и великолепно исполнено» (Джордж Мартин).

Однажды Воровской наставник явился к отцу Цеппи, Безглазому священнику храма Переландро, чтобы сбыть с рук несносного мальчишку Локка Ламору. Ведь Ламора, хоть и прирожденный вор, был воистину несносен, и для его исключительных талантов город-государство Каморр — прорезанное десятками каналов, раскинувшееся на множестве островов под сенью исполинских башен из стекла Древних — могло оказаться тесным. С течением лет Локку и его Благородным Канальям сходит с рук многое, вплоть до нарушения Тайного уговора, регулирующего всю жизнь Путных людей Каморра, но вот в закулисье преступного сообщества появляется Серый король — безжалостный, невидимый и неуязвимый убийца, — внося свои коррективы в очередную гениальную аферу Локка...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

СКОТТ ЛИНЧ

ХИТРОСТИ ЛОККА ЛАМОРЫ

Ответственный редактор Александр Етоев

Редактор Александр Гузман

Художественный редактор Илья Кучма

Технический редактор Мария Антипова

Корректор Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 08.02.2024.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 35,28. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үйі, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ZNF-33640-01-R